

Эта стая сорок, состоящая из только что вылупившихся птенцов, выглядела настолько живой и очаровательной, что казалось, будто они вот-вот оживут. Взрослая птица стояла на краю гнезда, кормя своих голодных птенцов, а под ними лежали яйца, которые еще не вылупились. Хотя сама статуэтка не была старинной, ее детализация и изящная форма, а также благоприятный символизм делали ее действительно ценной. Гу Чжису вспомнил, что когда-то эта вещь долгое время была любима Старой госпожой, но сегодня она, по неизвестной причине, решила подарить ее ему, словно намекая на что-то. Ху Цинь-эр, стоявшая рядом, разглядывая статуэтку, не могла понять, что именно Старая госпожа хотела этим сказать, и осторожно спросила.

— Молодой господин... Что Старая госпожа этим хочет сказать?

Взгляд Гу Чжису постепенно стал холодным, а на губах снова появилась улыбка. Его пальцы скользнули по шее взрослой птицы, затем коснулись голов птенцов и, наконец, остановились на яйцах под ними. Его голос был настолько тихим, что казалось, будто он растворялся в воздухе.

— Посмотри на эту стаю сорок. Они теснятся вместе, а у взрослой птицы всего одна гусеница, за которую борются три птенца. Разве это не похоже на то, как три семьи в резиденции князя И борются за его титул? А эти яйца, которые еще не вылупились, — это мы, внуки, которые еще не выросли. Если взрослая птица и три птенца исчезнут, судьба этих яиц будет такой же печальной.

— Старая госпожа хочет сказать мне, что не стоит действовать слишком жестко, — Гу Чжису закрыл коробку и передал ее Ху Цинь-эр, в его взгляде мелькнула насмешка. — Она не понимает, что под разрушенным гнездом не останется целых яиц.

Сегодня Старая госпожа внешне защищала его, но в глубине души она сомневалась, не он ли стал причиной того, что Гу Хайтан и Синь Линьхуа были застигнуты в Сливовой роще. Она не могла понять, как он мог это сделать и какие методы использовал, поэтому она выбрала такой завуалированный способ, чтобы предупредить его больше не делать ничего подобного, что могло бы навредить всему клану Гу.

Она, вероятно, почувствовала, что больше не может его контролировать, и поэтому прибегла к мягкой тактике, передав ему эту статуэтку через Жуцинь, надеясь, что он поймет намек и будет думать о большем благе, прекратив конфликт с Синь и Гу Хайтан.

Случай с Гу Хайтан сильно ударил по репутации клана Гу, и даже если Старая госпожа не любила Синь, она все же переживала за свою внучку. Эта статуэтка была для него одновременно предупреждением и советом, но Гу Чжису не придал этому никакого значения.

Наблюдая, как Ху Цинь-эр осторожно держит коробку, Гу Чжису вошел внутрь, где Циньхуань помогла ему снять плащ. Он указал Ху Цинь-эр отнести статуэтку прямо в его маленькую кладовую, затем сел, его пальцы мягко коснулись нефритовой крышки чаши с цветком груши. Его черные глаза, отражая солнечный свет, казались бездонными и наполненными глубокой тьмой.

— Жаль только... Я давно уже не хочу этого гнезда.

Когда Ху Цинь-эр вышла, и в комнате остался только Гу Чжису, его голос, полный сожаления, раздался в тишине, словно дым, рассеивающийся в воздухе.

Небо постепенно потемнело, солнце скрылось за тучами. Гу Чжису опустил глаза,

погрузившись в размышления, когда услышал тихий доклад.

— Молодой господин.

— Я всего лишь отправил тебя передать сообщение матушке Минь, а ты вернулась так поздно, — Гу Чжису не повернулся, его взгляд был устремлен на чашку чая. Он поднял крышку, подул на чай и сделал глоток, прежде чем спросить. — Ты доставила послание?

После этих слов он долго не получал ответа и, нахмурившись, обернулся:

— ...Что случилось?

Его взгляд упал на скромно стоящую женщину-шуан, одетую в синее, а затем перешел к силуэту, скрывающемуся за ширмой. В его голосе появилась легкая холодность.

— Почему ты привела кого-то с собой?

Гу Чжису, всегда скрытный и осторожный, знал, что Юэ Я не приведет кого-то, кто мог бы ему навредить, но он не мог понять, кого именно она привела. Он встал, поставил чашку на стол и направился к ширме, но, не успев сделать следующий шаг, внезапно изменился в лице, быстро подошел к человеку в плаще, чье лицо было скрыто, и схватил его за руку, тихо спросив:

— Сейчас день, зачем ты пришел?

Услышав это, человек, поняв, что его узнали, слегка поднял голову, позволив черному капюшону соскользнуть с плеч, открыв красивое лицо с улыбкой и яркие, как звезды, темно-синие глаза. Его взгляд упал на Юэ Я, стоящую неподалеку, и, развязывая плащ, он направился к столу, тихо приказав:

— Уходи, охраняй дверь.

Когда Юэ Я поклонилась и вышла, Гу Чжису, глядя на человека, стоящего рядом с ним, не смог сдержать легкий вздох и улыбнулся:

— Ты смело приходишь сюда среди бела дня.

Синь Юаньань пристально посмотрел на него, остановившись перед столом, и, взглянув на рисунок, который Гу Чжису только что нарисовал, с удивлением спросил:

— Я не издал ни звука, не показал лица, как ты узнал, что это я?

— Вокруг покоев принцев во дворце сейчас цветут груши, которые обычно распускаются весной, с их легким ароматом, — Гу Чжису, стоя позади него, глубоко вдохнул, чувствуя аромат груш, и с улыбкой добавил. — Дальше, думаю, объяснять не нужно.

— Умница, — вспомнив, как вокруг его покоев во дворце расцветали белые цветы, Синь Юаньань беззвучно улыбнулся, взял нефритовую чашку и, погладив ее, тихо спросил. — Я вырезал это несколько лет назад, но сам почти не использовал, боясь разбить. Теперь я дарю ее тебе, нравится?

Гу Чжису взял чашку из его рук, внимательно осмотрел и с легкой усмешкой сказал:

— У тебя такие умелые руки?

— Даже если чашка не моя, груши я вырезал сам... Так что это можно считать моей работой.

Синь Юаньань, наблюдая, как он держит чашку, снова протянул руку, чтобы забрать ее, но случайно коснулся его холодных пальцев и почти инстинктивно отдернул руку. Под спокойным взглядом Гу Чжису он слегка опустил глаза, и на его красивом лице появилась улыбка. Когда Гу Чжису снова поставил крышку, он внезапно открыл ее и, не дав ему остановиться, сделал глоток горячего чая.

— Вижу, тебе нравится, она стала более гладкой.

Гу Чжису, увидев, что он пьет из его чашки, слегка вздохнул и, не дав ему сделать еще один глоток, забрал чашку, с легкой усмешкой сказав:

— Пришел в гости, а пьешь чай хозяина без спроса, это как?

— Хозяин слишком скуп, даже чаю не угощает? — Синь Юаньань, оставшись без чая, без изменения выражения достал из рукава конверт и протянул его, тихо сказав. — Твое письмо я получил, и купил для тебя дом в одном из переулков на улице Гуанхо. Вот документы.

Гу Чжису в письме лишь попросил его найти скрытый дом, но не ожидал, что он сразу купит его. Услышав, что он не только прочитал письмо, но и быстро выполнил просьбу, он с удивлением взял конверт, развернул документы и, едва взглянув на них, нахмурился:

— Почему на моем имени? Это не подходит.

Он поднял глаза, чтобы что-то добавить, но увидел, что те темно-синие глаза пристально смотрят на него, словно спрашивая, почему это не подходит. Он невольно расслабился и, глядя на него, объяснил:

— Сейчас Синь Линьхуа из-за истории с Гу Хайтан еще не обращает внимания на мои дела, но она уже ненавидит меня настолько, что готова обвинить меня в чем угодно. Как я могу позволить себе быть небрежным и дать ей такой козырь?

— Я не верю, что с твоими способностями ты не сможешь справиться с ней и Гу Хайтан.

<http://bllate.org/book/16652/1525789>